

Т.Б. Щепанская

СТРАННИК: ПРОЕКТ ВЫСТАВКИ ИЗ ФОНДОВ МАЭ

В экспозиционной практике сложился стереотип презентации русской народной культуры через атрибуты «домашнего быта» крестьян-земледельцев. Все больше внимания, особенно в выставочной практике, уделяется и неземледельческим занятиям: пастушесству, кузнечному делу, другим крестьянским промыслам, которые чаще всего представлены на экспозиции через орудия, атрибутику и продукцию. В меньшей степени в этнографических экспозициях, посвященных русским, находят отражение формы неоседлого быта, показ которых, как правило, ограничивается демонстрацией транспортных средств.

Выставка, проект которой представлен в настоящей статье, посвящена странствию как одной из форм неоседлого образа жизни, характерной для русской традиционной культуры. Концепция выставки нацелена на демонстрацию не столько технических и технологических, сколько социорегулятивных и мировоззренческих аспектов странствия (как деятельности) и странничества (как образа жизни). С образом странника и вообще человека в дороге связан обширный комплекс народных знаний и верований, оказывающих влияние как на его собственное поведение, так и на отношение к нему со стороны окружающих¹. Каким образом они могут быть представлены через формы материальной культуры?

Комплекс дорожных знаний и верований мы рассматриваем как средство культурного конструирования статуса странствующего человека, и потому смысловым ядром экспозиции должна быть фигура странника, представленная в виде фотографии (фона), предметов из коллекций МАЭ, иллюстрирующих народные образы человека в дороге, а также манекена, на котором располагаются предметы одежды и атрибутика. В экспозиции отражается многозначность слова «странник» в народной традиции: странник в широком смысле — всякий прохожий человек, находящийся в пути; в более узком — тот, кто странствует по святым местам, богомолец (однако не всякий пошедший на богомолье крестьянин, а лишь тот, для кого путешествие по святым местам стало постоянной основой образа жизни).

Далее мы представим описание отдельных разделов и экспонатов выставки. Этот текст содержит концепцию экспозиции и может быть использован как основа для подготовки экскурсии. В описании каждого раздела наряду с экспонируемыми вещами мы приводим и раскрывающие их значение тексты (они даны курсивом), которые должны быть помещены в экспозиции на табличках.

Вводный раздел: общие представления о дороге и страннике

Вводный раздел выставки открывается детскими игрушками, связанными по смыслу с дорогой (Колл. № 1036–138–143 — коники; Колл. № 1036–149–150 — санки из коры). В двух небольших витринах представлены вещи, иллюстрирующие мистические элементы восприятия странника, чей статус не вписывался в традиционную систему социальных позиций, определявшую взаимоотношения в домашнем (повседневном) быту. По этнографическим материалам известны случаи, когда странствующего человека принимали за лешего или странствующего святого и даже самого Иисуса Христа. В деревнях к нему обращались как к знахарю (приписывая ему связь с демонологическими персонажами) или богомольцу, пророку, святому старцу (предполагая особую близость его к Богу).

Как иллюстрация мифологических представлений во вводной части выставки представлены фигурки мужчины и женщины из дерева, бересты, мха и еловых шишек.

У них есть традиционные атрибуты странника: лапти, посох, пояс, груз за плечами и берестяное ведро в руках. В этих фигурках, сделанных из природных (лесных) материалов, материализованы народные

Рис. 1. Фигурка странника из дерева, мха, бересты. До 1911 г. МАЭ. Колл. № 1079–1.

Рис. 2. Фигурка странницы из лесных материалов, выполненная в той же технике. МАЭ. Колл. № 1079–2.

представления об облике лешего, который во многих описаниях изображался как старик (или старуха — лешачиха) в одежде из хвои, обвешанный мхом и лишайниками. Впрочем, в ряде описаний (которые будут представлены на табличках в витринах вместе с фигурками) леший снабжен атрибутами странника: *«Пугало раньше, — вспоминает о встрече с лешим жительница с. Шеговары на р. Ваге в Архангельской обл. — В лес иду — вдруг идет какой-то: я его (раньше) не видела. Наперед котомка, на задку котомка. Я стала креститься — он и пропал куда-то»* (Архив Музея антропологии и этнографии, далее — АМАЭ, д. 1570, л. 6. 1987 г.). *«Мы у Короткого (ручья) удили, — рассказывал о встрече с лешим житель с. Усть-Вья, лежащего в лесах в верхнем течении р. Пинеги. — Смотрим, идет человек, котелок привязан, в черном. А был это дождик. Даки следы-то наши замыло дождем-то... И он пошел по слуде [высокому берегу. — Т.Щ.] к Чудинову (ручью). И никакого следу, смотрим, нету. Эх, как мы побежали! В черном, шалгач [заплечный мешок. — Т.Щ.], и котелок брякает»* (АМАЭ, д. 1646, л. 38. Архангельская обл., Верхнетоемский р-н, с. Усть-Вья, 1989 г.).

Признаки, по которым «опознают» лешего (котомки, заплечный мешок-шалгач, пояс и привязанный к нему котелок), — атрибуты человека в дороге, странника, которые одновременно воспринимаются и как атрибуты мифологического персонажа, что говорит об их (странника и лешего) символической идентификации, т.е. отнесении к одному классу персонажей в символическом универсуме.

Между тем страннику приписывалась особая близость к Богу, поскольку, уйдя от дома, он, как полагали крестьяне, отказался от земной суеты. Крестьяне ходили на богомолье к святым местам, чтобы поклониться местночтимым чудотворным иконам; вплоть до наших дней в некоторых деревнях распространено и хождение к святым источникам, камням, деревьям. К святым местам заворачивали и просто по пути, если шли в те края по какой-нибудь хозяйственной надобности (на сплав, охоту, ярмарку и т.п.). Сакральные объекты располагались и вдоль дорог, отмечая их наиболее значимые места: развилки, перекрестки, подъемы и спуски. В таких местах ставили придорожные кресты и часовенки, устраивали колодцы, которые нередко пользовались почитанием как священные. У дорог, как правило, лежат и священные камни. На Русском Севере путники до сих пор поклоняются деревьям (кладут в дупло монеты, вешают на ветки тряпочки и молятся на спрятанную в дупле иконку об успехе путешествия), которые в Заонежье, например, так и называются *дорожными*².

Замечание Ю.М. Лотмана о том, что в средневековом сознании «всякое путешествие приобретало характер паломничества»³, может быть в значительной мере спроецировано и на нынешнее восприятие дороги жителями деревенской глубинки. Эти слова ученого предполагается расположить в витрине, задником которой должно послужить фотографическое изображение придорожного креста или часовни. В этой витрине располагаются атрибуты хождения на богомолье: нательные кресты (Колл. № 2039–39, 40, 41, 42, 43, 49), лестовки (Колл. № 5322–192–199, 6916–5), четки (Колл. № 5325–68, 69), медные складни (Колл. № 3700–419, а

также медные складни из колл. 1119 с изображениями св. Георгия, Николая, Параскевы, Евдокии, Нила Столпника и др.), которые обыкновенно приносили богомольцы из святых мест. Странники (те, для кого хождение по святым местам было постоянным занятием) разносили эти вещи и продавали их по деревням.

Здесь же должны быть представлены и другие памятные вещи, принесенные из святых мест: деревянные ложки с изображением монастыря на острове (Колл. № 262–23. Вологодская губ., Кадниковский у.) и часоуен (Колл. № 5325–2), а также нательная металлическая иконка св. Николая Чудотворца, считавшегося в народе покровителем путников.

Сельские жители отправлялись на богомолье по обету (обещанию), который давался, как правило, в случае какого-либо несчастья, чаще всего болезни самого обещающего или его близких. В этом случае в святом месте оставляли жертву (некоторую сумму денег, предметы одежды, отрезки ткани — *пелены* и др.). Иногда возле святого источника или у чудотворной иконы оставляли изображение больного органа (руки, ноги, головы, уха, глаза), отлитого из серебра или вылепленного из воска. В фондах МАЭ хранились изображения руки и груди (Колл. № 2277–1,2), ныне, к сожалению, утраченные.

Среди странствующих по святым местам встречались и те, кто искал спасения души в сознательном умерщвлении тела, для чего они носили на себе тяжелые железные цепи — вериги (Колл. № 5326–2 — вериги железные, цепь с крестом). Таких странников в народе называли *спасеники*, *спасенные*. Нередко крестьяне устраивали им кельи возле святых мест; посещение таких келейников было необходимым элементом хождения на богомолье.

Одежда и снаряжение

Основная часть экспозиции — фигура странника и элементы его снаряжения, некоторые из которых размещены на самой фигуре (силуэтном манекене), другие — в расположенных вокруг нее небольших витринах, снабженных табличками с короткими текстами, отражающими народные представления, связанные с отдельными атрибутами дорожного снаряжения. Такая форма экспозиции дорожной атрибутики позволяет наглядно реконструировать комплекс заложенных в ней представлений, определяющих статус странника (человека в дороге).

Фигура странника. Первостепенное значение в дорожном комплексе имела обувь: лапти (Колл. № 5326–6а, б; 7, 8, 9а, б; 77; 81 — лапти лыковые, косоугольное плетение), чуни (Колл. № 5326–87а, б), ступни из бересты (Колл. № 5326–3а, б; 4, 5 — модель ступней). В дальний путь брали с собою несколько пар, так что длина дороги измерялась числом лаптей, которые придется стоптать: *«Лапти берешь в запас на дорогу, — говорила мне Степанида Павловна из с. Верхняя Кокшенга в Вологодской обл. — В одних идешь, другие через плечо висят. Я сама плела лапти. Идешь — недели на две, а то на месяц хватало лаптей»* (АМАЭ, д. 1567, л. 2–3. Вологодская обл., Тарногский р-н, 1987 г.).

С процессом надевания обуви в дорогу были связаны особые приметы. В.И. Даль отмечает: «*Грешно обувать левую ногу наперед правой, т.е. обуваться надо с правой ноги*». Но он приводит и нижегородское поверье: если «*обувать прежде правую ногу — зубы будут болеть*»⁴ (Даль, Пословицы, т. 3, с. 612–613). Н.Е. Мазалова записала в Кенозере аналогичное поверье: «*Обуваться надо слева, а снимать обувь справа — зубы болеть не будут*» (АМАЭ, д. 1707, л. 84. Архангельская обл., Плесецкий р-н, 1991 г.).

В комплексе дорожной одежды символическое значение имели, кроме обуви, головной убор, рукавицы и пояс, т.е. предметы, обозначающие границу между человеческим телом и внешним пространством, которое в пути не было отделено от человека «своими» пространствами дома, двора, селения.

Ношение перечисленных предметов одежды в дороге приобретало не только утилитарное, но и магическое значение. Считалось опасным отправляться в путь без головного убора: мужику без шапки (Колл. № 5322–181, 182, 185), женщине — без платка: «*Без плата в лесу не ходят: вот и увидишь эту нечистую силу — без плата-то, — говорят жители пинежских деревень. — Девка-простоволоска — это лешачиха. И ночью нельзя выходить без плата на улицу, а то тоже увидишь нечистую силу, даже в деревне*» (АМАЭ, д. 1624, л. 6. Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Явзора, 1988 г.). Путник без головного убора идентифицировался с нечистой силой и сам переходил в ее власть. Поэтому на Русском Севере даже в жару надевали что-нибудь на голову: «*Хоть ремох [ремешок. — Т.Щ.] какой наложи, — говорили мне местные жители, — а чтобы голова покрыта была*».

Аналогичные верования (в несколько ослабленной форме) были связаны и с варегами, вачигами — рукавицами (Колл. № 1036–355–356, 393а, б. Архангельская губ., Печорский у., Усть-Цилемская вол.). Во время проводов прощались покрытой рукой, если не в варежках, то натянув на руку рукав. В холодное время в дорогу, а тем более на промысел, надевали по две пары рукавиц: вниз вязанные, поверх их — кожаные или меховые. Рукавицы фигурируют в охотничьих и просто мифологических рассказах как вещь, опосредующая отношения с символически «чужими» (чудином⁵, лешим). Две такие истории (вероятно, восходящие к одному источнику) мы записали в с. Благовещенск на юге Архангельской обл.: «*Один мужик шел, и у Рябинова ручья один человек (чудин, наверное) попросил мужика чего-то, и тот дал. И чудин сказал: “Там в еле [дупле ели. — Т.Щ.] вачига (рукавица) лежит с золотом”. И тот мужик потом дом построил*» (АМАЭ, д. 1621, л. 48. Архангельская обл., Вельский р-н, 1988 г.). В другом варианте этой истории, записанном со слов родственников главного героя, говорится, что он встретился не с чудинном, а с лешим: «*У нас была от лешего-то рука у дедка, — рассказывает жительница того же с. Благовещенск, дед которой рассказывал ей, как встретил в лесу незнакомого старика. — Покурили, поговорили. Старик говорит: вон иди — в том месте, я там белки много видел. И попрощались за руку. И рукавица-то осталась, а в рукавице — долонь каменная [камень*

с выступами в форме согнутых пальцев. — Т.Щ.]. *Я видела у дедки — дедко мой в подпечке хранил эту ладонь, у нас под печкой лежала»* (АМАЭ, д. 1622, л. 38–39. Архангельская обл., Вельский р-н, с. Благовещенск, 1988 г.).

Тенденция к подчеркиванию границы между телом и внешним миром проявлялась и в многослойности дорожной одежды. Пинежские мужики, отправляясь на промысел, надевали поверх одежды *лузан* — накидку из плотного сукна, на плечах отделанную кожей для защиты от дождя. Поморы поверх фуфайки надевали *рокан* (кафтан из плотного сукна или дубленой кожи), поверх кафтана плотный балахон, зимой на полушубок надевали белый *сукман*⁶. Уходя валить лес, жители Пудожского и Медвежьегорского уездов (мужчины и женщины) надевали *валебницу* — одежду из очень плотной материи⁷. Тенденция к дублированию, появлению дополнительных покровов напоминала о себе и в летнее время: на Русском Севере в путь надевали поверх обычной одежды специальную сетку от комаров (Колл. № 5322–97 — сетка из конского волоса от комаров, Усть-Цильма); пинежане надевали в дорогу *кабот* — длинную (до колен) рубаху из плотного холста: «*Чтоб комары не прокусывали*».

Подчеркнутое значение в комплексе дорожной одежды приобретал пояс, символика которого также связана с обозначением границы своего и чужого, человеческого и нечеловеческого. В дороге пояс имел значение оберега от нечистой силы и всяких опасностей, актуализирующихся в символически чужом пространстве дороги: «*Раньше без креста, без пояса не ходили, — наставляли меня на Пинеге. — Без пояса не ходите — беспорядочной. Которы соблюдают по-божески, молятся, те не ходят беспорядочной. Поясом опоясанные ходят*» (АМАЭ, д. 1624, л. 19, 22. Архангельская обл., Пинежский р-н, дд. Лавела, Явзора, 1988 г.). Особенно показателен мужской охотничий пояс — ремень с набором дорожных принадлежностей, среди которых огниво, мешочки для дробы и пуль, пороховница, мерка для пороха и дробы и т.д. (Колл. № 1036–607 — охотничий пояс с принадлежностями: пороховницей, мешочками для дробы, пуль, меркой для пороха и дробы. Архангельская губ., Печорский у., Усть-Цилемская вол.; Колл. № 5322–102 — ремень кожаный с металлической пряжкой; Колл. № 504–58 а–к (см. рис. 3), а также Колл. № 504–59, 60, 61 — пояса охотничьи с набором дорожных принадлежностей охотника).

Такой пояс, снабженный приспособлениями для защиты (нож в ножнах), добывания огня (огниво) и пищи (охотничий припас), фактически играл роль походного комплекса средств жизнеобеспечения.

Женские пояса, как правило, тканые, с узором, специфичным для каждой местности, благодаря чему пояс играл роль опознавательного знака при встрече в дороге или в чужой деревне (Колл. № 1036–357, 394, 395 — пояса. Архангельская губ., Печорский у., Усть-Цилемская вол.). Тканые пояса, впрочем, носили и мужики.

В комплексе дорожного снаряжения имеются приспособления для добывания огня, т.е. устройства «временного дома» с источником тепла для приготовления пищи и обогрева во время ночлега. Эти приспособления располагались на охотничьем поясе или просто в карманах и сум-

Рис. 3. Ремень кожаный охотничий. Олонецкая губ. 1899 г.
МАЭ. Колл. № 504–58 а–к.

ках путника. В фондах МАЭ имеется комплект таких приспособлений из Усть-Цилемской волости Печорского уезда Архангельской губ. (Колл. № 1036–231): кошель из черного бархата и лоскутков парчи со многими отделениями, завязывающийся черным шнурочком; трут в первом отделении, во втором — кусочки серы, в третьем — кремь и огниво (кусочек железа с коваными завитками); к кошелю привязана медная чашечка с остатками серы (еще несколько таких комплектов — Колл. № 1036, 232–235). Имеется другой комплект принадлежностей для добывания огня: банка с крышкой, кремь и кресало (Колл. № 2911–189, а–г, см. рис. 4), а также отдельные вещи: кресало (Колл. № 5326–10), огнивный кошель (Колл. № 1036–216).

Разведение огня в дороге регулировалось определенными правилами, мотивировка которых носила нередко магический характер. Например, северорусские жители не раскладывали костер на дороге, тропинке, возле перекрестка дорог, потому что ветер задует, причем предполагалось, что в виде ветра может явиться леший. По поверьям, он ездит ночью лесными дорогами, устраивая свадьбы и похороны своих сородичей. Если развести у него на пути костер, он разметает огонь, разбросает головни, при этом непоздоровится и путникам. *«Однажды работники были в лесу, рубили лес, — рассказывали об одном таком случае в вятском селе Синегорье. —*

Рис. 4. Комплект принадлежностей для добывания огня: банка с крышкой, кремь, кресало. Архангельская обл. 1923 г. МАЭ. Колл. № 2911–189 а–г.

Сидят у костра, и вдруг ветер налетел, разбросал костер. А потом старики говорили: это дедушка лесной шел да разбросал. И потом эти лесные шли и говорят: “Это ребята шли да разбросали. Вы на стороне разложите да ночуйте. А то на дороге развели!” А это лесные хоронили покойника, а работники на их дороге костер развели» (АМАЭ, д. 1506, л. 42. Кировская обл., Нагорский р-н, с. Синегорье, 1986 г.).

Подобные рассказы нам приходилось слышать и в других местах, например, в Вельском р-не Архангельской обл.: *«Одна бабка все к вечеру шла коров искать, — вспоминают жители с. Благовещенск, расположенного у слияния рек Устья и Кокшенги. — Корова все в лес уходила. Вот ищут вечером. Расклали огни. А тут загремело, ветер, земля затряслась — страсти! Ну, молитву прочитали, огонь перенесли: на дороге у лешего огонь был» (АМАЭ, д. 1621, л. 24. Архангельская обл., Вельский р-н, с. Благовещенск, 1988 г.).*

Необходимая часть снаряжения путника — приспособления для переноски грузов: сумки из соломы (Колл. № 504–68) и холщовые мешки (1036–338), которые носили на спине и на боку, перекинутыми через плечо; плетеные из бересты кошель (Колл. № 504–40) и пестери (Колл. № 7015–179, 180, 181), короба из лыка (Колл. № 6814), корзины (Колл. № 1036–392) и др. Охотники использовали для переноски припаса и добычи крошни — плетеную из прутьев раму, к которой привязывали переносимый груз (Колл. № 504–41, см. рис. 5).

Находясь вдали от дома, путник все время носил с собой домашние принадлежности, обеспечивавшие необходимые жизненные отправления. В составе снаряжения были приспособления для переноски пищевых продуктов

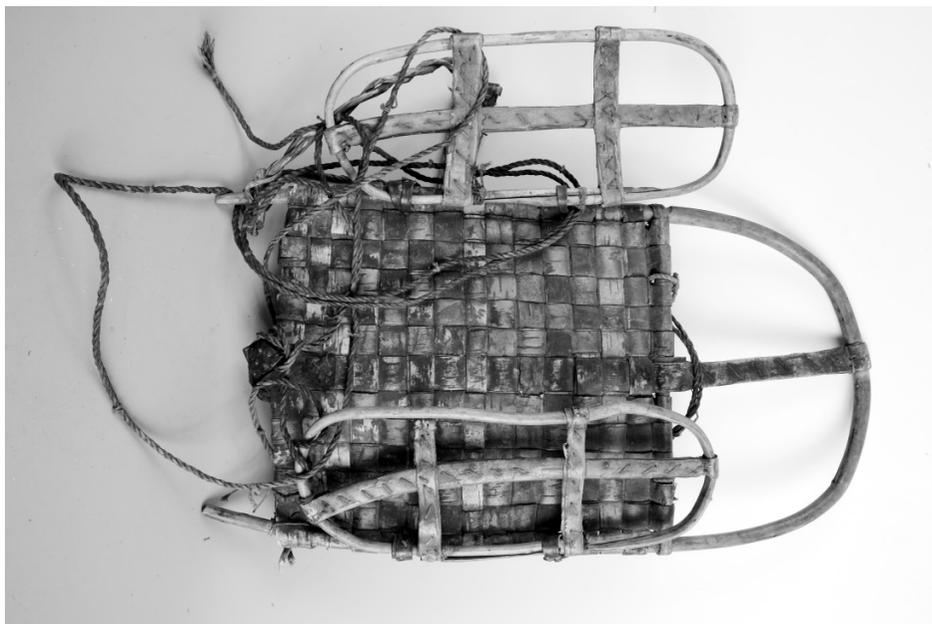

Рис. 5. Крошни — плетенная из прутьев рама, к которой привязывали переносимый груз. Олонецкая губ. 1899 г. МАЭ. Колл. № 504–41.

и элементарная утварь для принятия пищи. На выставке представлены дорожные солонки (Колл. № 1877–14 а, б, 15. Архангельская губ., Соловецкий монастырь. 1911 г., см. рис. 6), деревянная ложка монастырской работы (Колл. № 504–32, см. рис. 7), а также долбленная чашечка с ремешком (Колл. № 1036–153. Архангельская губ., Печорский у., Усть-Цилемская вол., см. рис. 8).

а

б

Рис. 6. Дорожные солонки. Архангельская губ., Соловецкий монастырь. 1911 г. МАЭ. Колл. № 1877–14 а, б.

Рис. 7. Деревянная ложка монастырской работы. Олонецкая губ. 1899 г.
МАЭ. Колл. № 504–32.

Рис. 8. Долбленная чашечка с ремешком. Архангельская губ., Печорский у.,
Усть-Цилемская вол. МАЭ. Колл. № 1036–153.

Для мужского снаряжения характерны приспособления для курения табака: трубки из глины и кости (Колл. № 5326–12, 13), а также кисеты (Колл. № 504–69, 5322–66, 99). Кисет (*гаман*) из с. Болхово Орловской губ., зарегистрированный под 1906 г., предназначался для переноски табака или денег. Сшит он из желтого сафьяна, со вставкой из красного сафьяна посередине. В центре на красном фоне аппликация — изображение сердца из сафьяна желтого цвета. Горловина затягивается вздержкой из сыромятной кожи (Колл. № 1075–2).

Отношение к табаку в связи с дорожной тематикой двойственное. С одной стороны, табак воспринимался как мужской символ и потому в народной системе классификаций соотносился с дорогой, которая также считалась мужской сферой («*От мужика пахнет ветром, а от бабы — дымом*»). Отмечено отношение к табаку как к атрибуту дорожного быта и даже оберега: ямщики с охотой брались перевозить табак, в убеждении, что «*от табаку лошади добреют*»⁸. В мужской среде табак играл коммуникативную роль. По наблюдениям К.К. Логинова в Заонежье, рыбаки, отправляясь на промысел, старались ни с кем не встречаться, а встретившись — не разговаривать, чтобы не потерять удачу. Единственное, что позволялось, — поделиться со встречным табаком⁹. Отношения попутчиков пословица описывает в терминах распределения табака: «*Дорожка вместе, а табачок пополам*»¹⁰.

Между тем курение табака и само это зелье в народных верованиях связаны с нечистой силой и нередко фигурируют в дорожных рассказах о встрече мужика с лешим. «*У нас на бугоре береза старая, так там, говорят, леший кричит. Леший похож на человека*», — рассказывала мне старая женщина, с которой мы разговаривали в с. Благовещенск Вельского р-на Архангельской обл. Она вспомнила случай, произошедший с ее дедом: «*Встретил он на охоте старика. Говорит: давай покурим. Тот старик у него табака не взял. Закурил свой табак, а дедко — свой. Посидели*». По общему убеждению ее самой и слышавших этот рассказ односельчан, встреченный стариком был лешим. Он курит, но отказывается от предложенного ему табака, что и отличает его от обычного человека. В новгородской быличке путник видит рядом идущего мужчину, предлагает ему закурить, а тот отворачивает от него в сторону, на другую дорогу — из чего рассказчик заключает, что это был не человек, а *шишок* (Новгородская обл., Старорусский р-н, Святогорша, 1990 г.)¹¹.

В витрине, где выставлены атрибуты дорожного отдыха (трапезы и курения), представлено также изображение путника на привале — деревянная резная фигурка парня, лежащего под деревом (Колл. № 5326–17).

Пожалуй, наиболее характерный знак статуса путника — дорожный посох (*батог, падог, палка, клюка*). Выпить на посошок — все равно, что «на дорожку». В девичьих гаданиях посох обозначал скорую дорогу (замужество в другую деревню). В святочные ночи девушки «*палку кидали: куда ляжет концом, туда и замуж выйдешь*» (АМАЭ, д. 1729, Псковская обл., Пустошкинский р-н, с. Забелье, д. Речки). На страннических посохах часто были характерные древесные наплывы, сучки, которые иногда

выделялись яркой краской. На выставке представлен такой посох, принадлежавший сельскому священнику с Северной Двины (Колл. № 7015–121). Он покрыт наплывами древесины, сучками, неровностями.

В загадках и поговорках сучок часто обозначает глаз. Приведем несколько загадок с отгадкой «сучок».

Медвежий глаз в избе

Что пучеглазо в избе?

Бычий глаз в стене

Круг нашего двора все бычьи глаза

Что в избе за коровий глаз?¹²

В народных представлениях посох как будто восполняет коммуникативные недостатки странника: затруднения в ходьбе (как дополнительная опора убогому) и зрении. О дорожном посохе говорили как о «глазах» слепого. С.В. Максимов в своей книге о «бродячей Руси» приводит характерный диалог между слепым странником — дедушкой Максимом и сапожником, у которого он остановился переночевать: «С палкой всякий слепец силен, — объясняет слепой Максим. — Сам Господь палку слепцу заместо глаз дал и поставил ему в прожатые. От нее у слепца и ноги есть, и пищу достает»¹³. Ср. загадку: «Ни глаз, ни ушей, а слепцов водит (палка)»¹⁴. Здесь есть намек на то, что речь идет о внутреннем, духовном зрении, благодаря которому странник имеет возможность прозревать то, что недоступно обычному глазу.

Посох выполнял некоторые сигнальные функции. Проходя лесной дорогой, путник стучал им по стволам деревьев, чтобы отпугнуть зверей. В деревнях странники стучали посохом по углам дома или подоконникам, приходя во дворы за милостыней. Заметим, что подобным образом созывали народ на сельские сходы или молодежь на вечерки (АМАЭ, м-лы А.Е. Финченко, л. 4 за 1987 г. Вологодская обл., Тарногский р-н, с. Верхняя Кокшенга). Посох втыкали у лесной тропы или дороги, там, где свернули в лес (Архангельская обл., личное наблюдение, 1987–1988 гг). В Поморье на звериных промыслах палка использовалась как знак собственности: возле убитого зверя в безлюдном месте промышленник втыкал палку, возле оставленной лодки — весло: после этого зверь, как и лодка, считались неприкосновенными, прикасаться к ним было грехом¹⁵. Батог служил еще и мерой: им обмеряли скирды, поленицы дров или кладки угля¹⁶, а также расстояние, границы участка (при захватном владении землей).

Палка использовалась в дороге и как средство переноски грузов: на ней, перекинув через плечо, носили узелки с пищей и одеждой. В дорожном посохе устраивались полости-тайники, и поговаривали, что у некоторых нищих он «бывает набит деньгами»¹⁷. Здесь актуализируется еще

одна коммуникативная программа: тайны, скрытности, т.е. однонаправленного течения информационных процессов (получение без отдачи).

Описывая коммуникативное значение посоха, укажем на его семантику и использование в качестве оружия. Дорожный посох нередко имел железный наконечник или весь был окован железом, так что наблюдатели говорили о «железной палке» (Архив РЭМ, д. 807а, л. 8. Новгородская губ. (Череповецкий у.))¹⁸. У профессиональных странников внутри посоха мог быть устроен выдвигающийся нож и даже револьвер. Такой посох описывается в сообщении из Пензенской губ., хранящемся в Тенишевском архиве (Архив РЭМ, д. 1896, л. 60. Пензенская губ. (Краснослободский у.), 1898 г.). В коллекции МАЭ есть «посох-палаш» (Колл. № 1878–1а, б, см. рис. 9), круглая деревянная рукоять которого (с медным кольцом) украшена медной полоской, снятой с иконы. На полоске надпись: «Образ нерукотворенный Господа нашего Иисуса Христа». Лезвие (клинок) обоюдоострое, узкое, украшено с двух сторон медными изображениями польского орла. Ножны деревянные, круглые, скрепленные сверху железным, а снизу медным кольцом. Длина 113 см, длина рукоятки 20 см, клинка — 83 см, ножен — 94 см. Происхождение — русские, Россия, дар из колл. Половцева, 1911 г.).

Рис. 9. Посох-палаш. До 1911 г. МАЭ. Колл. № 1878–1 а, б.

Дорога считалась опасной сферой, и оружие нередко входило в состав дорожного снаряжения, в первую очередь мужского. Среди экспонатов этого рода — железная рогатина на медведя (Колл. № 504–57), березовая дубинка с шарообразным утолщением — наплывом дерева — из Кадниковского уезда Вологодская губ. (Колл. № 262–4, см. рис. 10), а также массивный топор (Колл. № 5325–77), который, по народным представлениям, обязательно должен быть у путника за поясом. Любопытный экспонат — «воздуховое ружье»: восьмигранная в сечении палка (длиной 29 см, в сечении 3 см) со сквозным отверстием диаметром 1,8 см вдоль ствола (Колл. № 1036–605, см. рис. 11). В этом же разделе экспозиции может быть выставлено и ружье местной работы (Колл. № 504–56).

Путник всегда должен быть готов ко встрече со зверем или лихим человеком. На такое восприятие дороги настраивали и заговоры, которыми запасались перед выходом в путь: «Укрой меня, Господи, от темной ночи, от черной тучи, от зверя бегучего, от змея ползучего, от злого человека, от ведуна-ведуницы, от колдуна-колдуницы, от огня-ожога, от воды-потопа. Аминь» (АМАЭ, д. 1621, л. 86–87. Архангельская обл., Вельский р-н, с. Благовещенск, 1988 г.). «Господи, благослови. Отведи меня, Господи, от врага и супостата, от несчастных случаев» (АМАЭ, м-лы Н.Е. Грысык за 1987 г., тетрадь 3, л. 30. Архангельская обл.,

Рис. 10. Березовая дубинка с шарообразным утолщением — наплывом дерева. Вологодская губ., Кадниковский у. 1895 г. МАЭ. Колл. № 262–4.

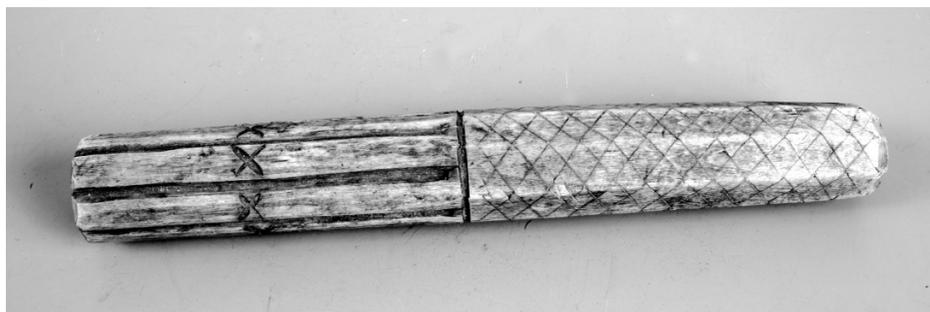

Рис. 11. Воздушное ружье. Архангельская губ. 1906 г. МАЭ. Колл. № 1036–605.

Шенкурский р-н, с. Шеговары). *«Спаси меня, Господи, сохрани меня, Господи, от лихого человека, от всех напастей»* (АМАЭ, д. 1622, л. 72. Архангельская обл., Вельский р-н, с. Благовещенск, 1988 г.).

Представленная схема может быть реализована как в форме музейной экспозиции, так и в виде виртуальной выставки (на сайте Кунсткамеры). В основе ее лежит система гипертекстовых ссылок. Первая страница — изображение странника (фигурка из шишек и мха с дорожным посохом), которая играет роль графического меню: «кликнув» элементы изображения (предметы снаряжения странника), посетитель попадает на страничку с описанием соответствующего предмета. Например, изображение посоха связано гипертекстовой ссылкой со страничкой, где даны

изображения посохов из коллекций МАЭ с их описаниями и комментариями — поверьями о посохе, его функциями и т.п. Подобные ссылки идут и от других элементов стартового изображения (фигурки странника). В конце каждой странички с текстом комментария, посвященной тому или иному предмету дорожного снаряжения, приводится список литературы, часть которой может быть опубликована в электронном варианте. «Кликнув» название источника в списке литературы, посетитель выставки открывает страничку с полным текстом или выдержками из него.

Схема предполагаемой виртуальной выставки содержит следующие блоки:

Стартовая страница: графическое меню (фигурка странника). Ссылки на комментарии по отдельным элементам снаряжения							
Обувь	Головной убор	Пояс	Сумка	Припасы	Посох	Оружие	Огниво
Списки литературы по теме комментария: интерактивные ссылки на тексты публикаций							
Тексты публикаций по теме							

Библиография

1. Щепанская Т.Б. 1. Культура дороги на Русском Севере: Странник // Русский Север: Ареалы и культурные традиции. СПб., 1992. С. 102–126; она же. Станные лидеры (о некоторых традициях социального управления у русских) // Этнические аспекты власти: Сб. ст. СПб., 1995. С. 211–240; она же. Власть пришельца: Атрибуты странника в мужской магии русских (XIX — начало XX в.) // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. СПб., 1996. С. 72–101.
2. Логинов К.К. 1. О жертвоприношениях в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 64; он же. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993. С. 73.
3. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семiosфера. СПб., 2001. С. 298.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. М. 1993. Т. 3. С. 612–613.
5. Чудин, чудь — так на Русском Севере называют предшествующее иноэтническое население. На р. Пинеге «чудью» называют преимущественно коми с р. Вашки. В окрестностях с. Благовещенска жители показывают «чудские» древности (напр., городище на другом берегу реки напротив Благовещенска). С чудью связывают некоторые старые дороги, а также археологические древности: холмы, древние могильники, находки наконечников стрел.
6. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Л., 1983. С. 62.
7. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1. СПб., 1994. С. 135–136, 158.

8. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 4 т. М., 1995 (по изданию 1880–1882 гг.). Т. 3. С. 92.
9. Логинов К.К. Материальная культура... С. 42.
10. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 473.
11. Черепанова О.А. (сост., комм.). Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 73–74, № 274.
12. Пословицы. Поговорки. Загадки / Сост. А.Н. Мартынова, В.В. Митрофанова М., 1986. С. 424, № 1426–1430.
13. Максимов С.В. Нищая братия // Максимов С.В. По Русской земле. М., 1989. С. 99.
14. Даль В.И. Пословицы русского народа... Т. 2. С. 601.
15. Бернштам Т.А. Русская народная культура Поморья... С. 83.
16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1995. Т. 1. С. 36.
17. Прыжов И. Нищие на святой Руси: Мат-лы для истории общественного и народного быта в России // История кабаков в России. М., 1992. С. 272.
18. Там же. С. 305; Логинов К.К. Материальная культура... С. 69.